

А.Ю. Мельвиль*

МОГУЩЕСТВО И ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. В статье рассматривается ряд теоретических и методологических вопросов, связанных с изучением состояния и динамики традиционных и новых компонентов и факторов могущества и влияния государств в современном мире. Предложены варианты их концептуализации с учетом выделения потенциалов могущества и влияния и их реальных эффектов, мощи как атрибута и как отношения особого рода, различных типов и инструментов могущества и влияния. Предложены новые подходы к определению эмпирических индикаторов могущества и влияния и методов их обработки для формирования композитных индексов. Определены перспективы дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: государства; могущество; влияние; сила; мировой порядок; концептуализация; измерение; индикаторы; количественные и качественные методы; индексы; сети.

*** Мельвиль Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан факультета социальных наук, руководитель департамента политической науки НИУ ВШЭ, e-mail: amelville@hse.ru

Melville Andrei, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: amelville@hse.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01651). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». При участии Ф.Т. Алескерова, М.В. Ильина, М.Г. Миронюка, И.М. Локшина, Ю.А. Полунина, К.А. Толокнева, А.М. Мальцева, М.С. Кураповой, С.В. Швыдуна, Д.Б. Ефимова и Е.Ю. Николаева. Отдельная благодарность моему научному ассистенту Е.Ю. Николаеву за помощь в работе с литературой и базами данных.

A.Yu. Melville

**Power and influence of modern states within the changing world order:
Some theoretical and methodological aspects**

Abstract. This article deals with some theoretical and methodological issues, related to the study of the state and dynamics of traditional and new components and factors of power and influence of modern states in the world. Approaches to their conceptualization are suggested with the focus on potentials of power and influence and their actual effects; power is interpreted as an attribute and a relationship of specific sort, different types and instruments of power and influence are analyzed. New approaches towards definitions of empirical indicators of power and influence are suggested as well as methods of their processing for creation of composite indices. Prospects for future research are presented.

Keywords: states; power; influence; world order; conceptualization; measurement; indicators; quantitative and qualitative methods; indices; networks.

1. Вводные соображения

*Могущество, власть, сила, влияние*¹ – едва ли не ключевые термины в международных исследованиях и политической науке в целом. По сути дела, было и по-прежнему остается еще со времен Фукидида и даже раньше и вплоть до сегодняшнего дня. Казалось бы, все великие политологические умы прошлого и современности так или иначе затрагивали проблематику власти, могущества и влияния – от Платона, Аристотеля и Н. Макиавелли до М. Вебера, Р. Даля, Г. Лассуэлла, Г. Моргентау, К. Дойча, К. Уолтца и Дж. Миршаймера. Эти дискуссии особенно активны в русле традиции так называемого реалистического подхода, который сегодня едва ли не доминирует в международных исследованиях, а также для так называемого неолиберального подхода, конструктивизма и других течений.

Мощь и сила, как ни относиться к этим понятиям – концептуально и / или оценочно, остаются центральными и сегодня в политическом анализе любого уровня и конкретизации. Тем не менее в литературе нет какого-либо теоретического и методологического единства относительно содержания и способов операционализации этих важнейших понятий. В контексте основной темы данного вы-

¹ Соответствующие слова и понятия принадлежат к одному концептуальному пространству. Они близки и пересекаются друг с другом, но тем не менее не синонимичны и различаются и по смыслам, и по референции.

пуска «Политической науки» это одна из отличительных черт современного состояния неопределенности и развилок в развитии мировой политической науки в целом.

Традиционно, по крайней мере, в последние едва ли не полстолетия, национальная мощь понималась в международных исследованиях и политической науке как своего рода совокупное производное от сочетания территории, населения, экономического и военного потенциала, а также стратегии и политической воли¹. Эти *базовые компоненты мощи* государства, о которых мыслители говорили еще в древности, несомненно, сохраняют свое значение и сегодня, хотя их значение и проявления могут существенно изменяться.

Глубокие перемены, происходящие в современном мире, ведут не только к модификации и трансформации традиционных компонентов могущества и влияния, но и к появлению их *новых важных измерений*, проявляющихся в экономической, социальной, политической, технологической, культурно-информационной и других областях. Это происходит под воздействием таких разнообразных факторов и разнонаправленных тенденций, как противоречивые эффекты продолжающейся глобализации, растущая (хотя и проявляющаяся по-разному) взаимозависимость, рост влияния негосударственных акторов на мировой арене (от ТНК до террористических квазигосударственных образований), распространение влиятельных сетевых структур и взаимодействий, появление новых угроз международной и национальной безопасности, обострение старых и появление новых глобальных и региональных расколов и конфликтов разного рода, взаимовлияние внутренних и международных процессов, демографические сдвиги и новые миграционные потоки с дестабилизирующими последствиями, информационная и коммуникационная революция, распространение новых технологий в различных областях (в том числе в военной) и др.

Перемены, происходящие в общей структуре современного мирового порядка, доминирующих тенденциях его динамики, взаимоотношениях его ключевых игроков и др., – всё это требует особого внимания к конкретному контексту мирового развития, а с учетом растущих взаимообусловленностей внешних и внутренних

¹ В этом, собственно говоря, и заключается смысл известной формулы Р. Клайна: $\text{могущество} = (\text{население} + \text{территория} + \text{экономика} + \text{военные способности}) \times (\text{стратегия} + \text{воля})$ [см.: Cline, 1977].

факторов политики – и к процессам, происходящим на уровне государств и негосударственных акторов.

С учетом специфики рассматриваемой проблематики, в первую очередь важно принимать во внимание состояние *глобальных международных институтов*, возникших после Второй мировой войны и составляющих «костяк» современного мирового порядка (ООН, ВБ, МВФ, МБРР, ВТО, ЕС и др.). Эти институты, как и сам сложившийся мировой порядок, в настоящее время являются объектами и ревизии, а часто и подрыва. Однако именно они и их регулирование нормами международного права по-прежнему, несмотря на многие справедливые к ним претензии, фактически остаются основанием хотя бы относительной мировой упорядоченности, препятствующей хаотизации международных процессов. По своему глубинному содержанию это – в сложившейся политологической терминологии – именно *«либеральные»* глобальные институты, каким бы ни было отношение к самому этому понятию. Это необходимые институциональные и нормативные «якоря» для относительной стабилизации и структурирования мировой ситуации.

Между тем мы наблюдаем растущее раскачивание этих «якорей», идущее с разных направлений. С одной стороны, само понятие «либерального» мирового порядка ставится под вопрос (но в свою очередь и отстаивается)¹. С другой стороны, кажется, нет сколько-нибудь приемлемого понимания возможного и желаемого нового мирового порядка, нет «большого» альтернативного и претендующего на универсальность проекта (за исключением, быть может, идеи «мирового халифата»). Но при этом не прослеживаются и убедительные ответы на проблемы, возникающие как результат действия целого ряда новых трендов, способных дезорганизовать мировую структуру². Перечислим (хотя и не в порядке важности) некоторые из них, особенно значимые применительно к динамике могущества и влияния современных государств в условиях меняющегося мирового порядка (тем более в период после окончания холодной войны).

¹ В качестве примеров идущих дискуссий см.: [Тимофеев, 2014; Корунов, 2015; Новые правила... 2015; Тимофеев, 2016; Корунов, 2016; Глобальный бунт... 2017; Nye, 2017; Naas, 2017; Ikenberry, 2017; Colgan, Keohane, 2017; Mead, Keeley, 2017 и др.].

² См., в частности: [Тимофеев, 2016; Global trends... 2017; Munich Security Report 2017 и др.].

Во-первых, это усиливающаяся дивергенция, рост *дифференциации* в «семействах» современных государств, государственности и государственной состоятельности. Формально суверенные государства всегда были и остаются очень разными, среди них «великие», «обычные» и «малые», «хрупкие», «несостоятельные» и прочие «государства-неудачники» и т.п. Возникают новые и оспаривающие у друг друга центры могущества и влияния (причем по разным основаниям), в том числе «восходящие» государства и их группы, оспаривающие сложившиеся нормы и правила и стремящиеся к установлению новых мировых иерархий и статусов. Во-вторых, происходит общая *диффузия* могущества и влияния в мире, проявляется множественность их глобальных и региональных измерений. В-третьих, заметно повышается потенциал *конфликтности* – как в отношениях между государствами и другими международными игроками, так и внутри них самих. В-четвертых, все это ведет к серьезным *вызовам управляемости* – опять и на внутреннем, и на международном уровне. Очевидна тенденция к *размыванию* целого ряда, как, казалось, принятых международных правил и норм, появляются новые «серые зоны», новые запросы и претензии, новые запросы на передел сфер влияния, новые взаимоисключающие национальные и иные *идентичности*, новый и во многом не ожидавшийся всплеск популизма, национализма, ксенофобии, фундаментализма. В-пятых, на эти мировые тренды накладываются многие объективные перемены в областях *экономического, технологического, демографического, миграционного* и др. развития. Среди них – возможные ограничители экономического роста, ведущие к его замедлению или даже стагнации, возникающие новые проблемы с дефицитом природных ресурсов (энергетических и минерально-сырьевых, продовольствия, воды и др.); экологией и климатом; ростом неравенства внутри государств и между ними; последствиями использования развивающихся военных, информационных и иных технологий.

Но по своей сути это – лишь «верхушка» глубинных процессов и трансформаций, в ходе которых в мире происходят существенные изменения и в содержании, структуре и распределении могущества и влияния на всех уровнях мирового порядка. В результате приобретают большее значение новые компоненты могущества, влияния и статуса, связанные с конкурентоспособностью, технологическими возможностями, инновационным потенциалом, «мягкой силой»,

человеческими ресурсами и др. При этом важно подчеркнуть, что как традиционные, так и новые компоненты могущества и влияния государств и групп государств в условиях растущей взаимозависимости существенно трансформируются, а их эффекты усиливаются в том числе в результате качественно иного характера современных *сетевых взаимодействий*, по-разному проявляющихся в зависимости от конкретных условий и обстоятельств. Крайне важным в теоретическом и прикладном отношении фактором являются трансформации в компонентах государственного могущества и влияния, динамика статусов государств и групп государств, в том числе «восходящих», меняющих традиционные балансы сил и др.

Происходящие в мире изменения не могут быть измерены и в полной мере оценены с помощью традиционно используемых показателей – таких как ВВП на душу населения, численность населения, объемы военных расходов, размер вооруженных сил и др. Для измерения новых компонентов могущества, влияния и статуса государств необходимы новые подходы, включающие в себя разработку соответствующих теоретико-методологических оснований, новых показателей и индексов, методов обработки данных и сравнительного анализа и др. Однако прежде чем приступить к рассмотрению вопросов, связанных с поиском способов операционализации и определением наиболее приемлемых эмпирических технологий и инструментов измерения могущества и влияния, необходимо более подробно и обстоятельно рассмотреть проблемы концептуализации анализируемых явлений.

2. Проблемы концептуализации

Важный предварительный шаг при определении концептуальных оснований рассматриваемых нами политических явлений и процессов заключается в формулировании некоторых базовых, если угодно – *«фоновых» посылок*, служащих общетеоретическим фундаментом для осуществляемого исследования. Совершенно отчетливо эти общие теоретико-методологические положения были, в частности, сформулированы нами в ходе работы над исследовательским проектом «Политический атлас современности» [см.: Политический атлас... 2007, с. 12–14; Political atlas... 2010, р. 6–9]. В нынешнем случае, применительно к изучению динамики

факторов могущества и влияния современных государств в условиях меняющегося мирового порядка, не менее важно зафиксировать ряд базовых положений, относящихся к общему пониманию природы и характера политического развития как такового [см., в частности: Ильин, 2012; 2014; 2016 а; 2016 б].

Продолжая и развивая общую теоретико-методологическую логику «Политического атласа современности», необходимо в первую очередь подчеркнуть неоднородность структуры современного мирового порядка и разнонаправленность векторов современного политического развития (на самом деле не только политического, но и социального, экономического, культурного и др.). Суверенные государства остаются базовыми «ячейками» сегодняшнего мирового устройства, хотя при этом все более значимыми для глобального и регионального развития становятся негосударственные акторы. Важно учитывать, что, во-первых, сами государства (как и их суверенность) всегда сущностно *разнородны* по своим внутренним характеристикам и по потенциалу мощи и влияния во взаимоотношениях между ними и в международных делах в целом. Во-вторых, и это очень существенно, государства и их свойства, как и характер их могущества и влияния, *историчны*. Соответственно не только сами государства имеют различный «эволюционный возраст», но и их могущество и влияние определяются сложными процессами наследования, воспроизводства и видоизменения ряда характеристик и компонентов.

Иными словами, общая структура могущества и влияния современных государств многослойна, а ее динамика обусловлена сочетанием традиционных и новых факторов и компонентов. Волны исторически обусловленных изменений в структуре мирового порядка¹ оказывают свое влияние, но и в свою очередь испытывают воздействие со стороны этих новых факторов и компонентов. Таким образом, условия времени и места – важные характеристики могущества и влияния. Это касается их эволюционных и исторических параметров, а также сказывается даже в режиме повседневно-

¹ В проекте «Политический атлас современности» исследование было сосредоточено на выявлении статической картины мировой структуры, тогда как динамические аспекты анализа были сознательно вынесены за скобки. Тем не менее переход от статики к динамике – это крайне существенный теоретико-методологический вопрос, которому необходимо уделить внимание.

ности, где они нередко ситуационны¹. При этом могущество и влияние как базовые характеристики государств и их положения в мировой системе подвергаются существенным трансформациям, связанным с комплексом внутренних и внешних процессов.

Нужно обратить внимание на то обстоятельство, что в существующей литературе *могущество* (мощь, сила) и *влияние* нередко используются как *синонимы*, что, в свою очередь, связано с рядом недостаточно проясненных теоретико-методологических вопросов. Провести их (могущества и влияния) концептуализацию как взаимосвязанных, но при этом аналитически различных явлений – действительно непростое дело.

Традиционно, особенно в литературе «реалистической» направленности, могущество государства понимается как его способность оказывать влияние на других международных акторов и достигать поставленные цели. В разнообразных дефинициях силы и мощи государства практически всегда присутствуют аспекты, так или иначе связанные с влиянием, т.е. воздействием на своих контрагентов на мировой арене. Это мы наблюдаем и в вариантах их общей концептуализации *per se*². Вместе с тем, по крайней мере, с аналитической точки зрения, следует учитывать немаловажные нюансы: с одной стороны, могущество может быть источником влияния, но и реальное влияние может оказываться источником могущества [см.: Fels, 2017, p. 167]. С другой стороны, возможно и могущество без оказания влияния, притом что неоказание реального влияния может быть свидетельством и проявлением мощи особого рода.

Как могущество, так и влияние основываются на наличии определенных ресурсов и возможностей материального и нематериального свойства³. При концептуализации рассматриваемых фе-

¹ «Власть является ситуационной» [Duncan, Jancar-Webster, Switky, 2002, p. 114].

² «*Могущество* – это способность акторов (лиц, групп или институтов) устанавливать или менять (полностью или частично) варианты альтернативных действий или их выбора другими акторами. *Влияние* – это способность акторов определять (частично) действия или решения других акторов в контексте наборов, доступных для их альтернативных действий или решений» [Mokken, Stokman, 1976, p. 37].

³ «Могущество и влияние должны в первую очередь определяться в категориях потенциалов или возможностей [Mokken, Stokman, 1976, p. 40]. Согласно распространенной точке зрения, притом что очевидно, что ресурсы сами по себе

номенов важно принимать во внимание различия между *потенциалом и ресурсами* могущества и влияния – и *реальными действиями*, основывающимися на них. Потенциал не всегда может трансформироваться и проявляться в конкретном действии, а неиспользование имеющихся ресурсов в некоторых ситуациях способно обладать эффектом действия. Кроме того, в зависимости от исторически складывающегося внешнего и внутреннего контекста доступные потенциалы (ресурсы) и конкретные действия имеют свою динамику и проявляются по-разному¹.

Могущество государства может пониматься как минимум двояко – как *атрибут* (свойство) и как *отношение* особого рода. Оба эти аспекта важны концептуально, в том числе в разрезе их возможной и предполагаемой операционализации.

С точки зрения рассмотрения государственного могущества (силы) как *атрибута* исследование может быть сфокусировано на его различных компонентах и способностях – военных, экономических, технологических, культурных и др. Именно здесь обнаруживается и проявляется их содержательная связь с проблематикой *государственной состоятельности*, понимаемой как своего рода кумулятивная характеристика внутренних свойств государства, которые теоретически как раз и обеспечивают необходимые ресурсы влияния. Могучие и влиятельные государства, как правило, обладают солидной государственной состоятельностью. И наоборот, слабость государственной состоятельности, обусловленная различными внутренними причинами (такими как внутренние расколы, напряжения и конфликты, слабые институты, плохая управляемость и др.), снижает мощь и влияние государства в мире. С одной стороны, государственная состоятельность представляет

это еще не обязательно реальное могущество и влияние, для сравнения и оценки последних необходимо в первую очередь измерение имеющихся у государства потенциалов и возможностей [Holsti, 1964]. Заметим, однако, что при таком измерении возможно несовпадение ресурсов и реальных действий, что и было отмечено нами выше.

¹ Немаловажный аспект заключается также в необходимости учета в конкретном исследовании не только ресурсов и результатов их использования, но и стратегий и действий включенных в эти процессы взаимодействий акторов [Measuring national power... 2000].

собой самостоятельную проблемную область¹, но с другой – непосредственно связана с пониманием мощи как набора определенных качеств и свойств, в тех или иных степенях и сочетаниях, приущих различным государствам².

Иная (хотя и взаимодополняющая) трактовка государственного могущества связана с его пониманием как особых двусторонних и многосторонних *взаимоотношений* между различными государствами и их группами на мировой арене [см., например: Baldwin, 2013]. Такая интерпретация мощи и могущества во многом возвращает нас к их пониманию как влияния особого рода, вызывающего определенные действия одного государства (или их групп) под воздействием другого государства (или их групп). Применительно к характеристикам этих взаимоотношений могут различаться, в частности, их (а) масштаб («интенсивность»), (б) область («сфера действия»), (в) достоверность («степень убедительности»), (г) затратность («цена»), (д) используемые средства («инструменты») и др. [Baldwin, 2013].

Понимание мощи как взаимоотношения особого рода предполагает также важный *институциональный* аспект, т.е. учет позиций государств и их возможностей для оказания влияния в рамках существующих глобальных и региональных международных институтов, в том числе воздействия на регулирующие их деятельность нормы и правила. Но это также и аспект *нормативный*, связанный с признанием роли международных норм и легитимности в определении факторов могущества и влияния, как и их динамики. Могущество и влияние государств в современном мире основываются не на произволе, а на их нормативности и легитимности (в том числе на международном авторитете и репутации).

¹ Литература по этой проблематике огромна и постоянно пополняется. Обзор основных течений и проблематики см. в [Мельвил, Ефимов, 2016; Melville, Migonyuk, 2016].

² В некоторых случаях понимание основных компонентов могущества («силы») государства практически совпадает с распространенными в литературе представлениями об измерениях государственной состоятельности. Так, например, для [Ganguly, Thompson, 2017] это (а) фискальная способность, (б) принудительная способность, (в) легитимность и (г) монополия вооруженного насилия. Можно спорить об этих определениях, но сам факт совпадения в понимании параметров государственной состоятельности и мощи государства как его атрибута [например: Savoia, Sen, 2015] достаточно показателен.

Вместе с тем вопрос о нормативном аспекте мощи и влияния имеет ряд немаловажных нюансов. В первую очередь это связано с исключительной способностью устанавливать международные нормы и правила и «наказывать» их «нарушителей». В то же время могущество и влияние могут выражаться также и в сознательном нарушении старых существующих норм и правил и создании новых¹. Разумеется, в реальной мировой политике мы сталкиваемся с разными «нарушителями». В одних случаях условные злостные «плохиши» нарушают общепризнанные нормы, но при этом осознанно действуют всё же в рамках международной системы, не имея ни ресурсов, ни амбиций для установления новых общих правил. В других случаях может иметь место заявка на изменение норм и правил самого мирового порядка². Действия такого рода «ревизионистов» (или системных «дизинтеграторов») в определенных ситуациях могут основываться на нематериальных активах – например, на политической воле и соответствующей стратегии.

Другая немаловажная сторона вопроса о нормативности мощи и влияния относится к общей проблеме *статуса и статусности* государств в системе мирового порядка. Выше уже подчеркивалась принципиальная разнородность (причем во многих отношениях) государств, взаимодействующих сейчас и всегда исторически взаимодействовавших между собой. Корни проблемы здесь в том, что среди них, в соответствии с принятой терминологией, есть сверхдержавы, великие державы, средние и малые державы, не говоря уже о непризнанных (или полупризнанных) государствах, «несостоятельных» государствах и «квазигосударствах».

Великие державы не только обладают особыми, исключительными качествами и ресурсами, но и разными способами демонстрируют свою способность и (NB!) готовность действовать в соответствии со своим высоким статусом, наглядно демонстрируя и подтверждая его. При этом сама группа великих держав внутри себя неоднородна – в ней выделяются государства, чей статус соответствует имеющимся у них ресурсам и возможностям. Вместе с тем есть государства (как правило, относящиеся к группе «восходящих») со способностями выше, чем их в настоящий момент признаваемый в мире статус, а с другой стороны – «нисходящие» го-

¹ На это обстоятельство обратил мое внимание М.Г. Миронюк.

² Об общетеоретических моментах см.: [Axelrod, 1986], также в качестве примера из современности см.: [Новые правила... 2015].

сударства, чей завоеванный ранее статус, на который они продолжают претендовать, выше, нежели их наличные ресурсы и возможности. Согласно существующей в современной литературе классификации, это, соответственно, три разных типа «великих» держав – *status consistent*, *status underachievers* и *status overachievers* [см.: Major powers... 2011; Corbetta, Volgy, Rhamey, 2013]. Забегая вперед, подчеркнем, что дальнейшая работа по дифференциации статусов и статусности современных государств в меняющемся мировом порядке представляется важным направлением перспективных исследований динамики могущества и влияния.

Рассмотрение различных аспектов концептуализации государственной мощи и влияния также предполагает дифференциацию их типов и иерархий – в разных сферах и областях и в разное время. По сути, есть все основания говорить о многомерных «слоях» могущества и влияния, которые должны рассматриваться в разных «координатах» и в их динамике, с учетом процессов их распределения и перераспределения. Отсюда – необходимость концептуального различения разновидностей мощи и влияния: экономического, финансового, военного, технологического, культурного, «мягкого» и др. Исторический и ситуационный характер мощи и влияния означает, что их компоненты и эффекты формируются и проявляются эволюционно, воздействуя и испытывая воздействие со стороны разноплановых процессов внутреннего развития (динамика государственной состоятельности, качество государственных институтов, расколы и конфликты, степень управляемости и др.) и мировой динамики (глобальные и региональные отношения, экономические, социально-политические, демографические, военно-технологические и другие тренды развития).

Но как измерить и сравнить столь разнородные явления? Для поиска возможных ответов на эти нетривиальные вопросы необходимо тщательно рассмотреть некоторый комплекс методологических проблем, связанных с формированием и использованием различных инструментов и технологий измерения могущества и влияния современных государств.

3. Инструменты и технологии измерения

Отправным пунктом такого рассмотрения должно стать понимание внутренней связи между выбором тех или иных измери-

тельных приемов и избранными концептуальными основаниями исследования. Причем в определенном и базовом смысле *концептуализация первична*, поскольку именно она задает базовые ориентиры для поиска соответствующих ей методов измерения¹. Между тем в исследовательской практике нередки ситуации, когда, с одной стороны, умозрительные теоретические конструкции совершенно оторваны от реальных и доступных ресурсов для последующего эмпирического анализа², а с другой – эмпирические (прежде всего количественные) методы часто выступают как самодостаточная «вещь в себе», никак не вытекающая из предварительной концептуализации измеряемых явлений.

Строго говоря, измерение (а в определенном смысле и само эмпирическое наблюдение) возможно только на основе предварительного согласия по некоторым базовым концептам, относящимся к наблюдаемым и измеряемым объектам. Необходимо, однако, сознавать, что здесь вряд ли возможны идеальные решения из-за множества условностей и допущений, связанных с *проблемами измеримости*. Любое измерение всегда определенное *упрощение*, выделение одного из «срезов» реальности из ее многообразия. К тому же далеко не все в этой реальности вообще относится к сфере наблюдаемого и измеряемого. И здесь всегда есть простор для возможных ловушек, погрешностей и ошибок³. Например, ловушка «абсолютных цифр», когда они безотносительно к условиям и условностям анализируемого контекста могут восприниматься как «истина в последней инстанции». Или своего рода «искушение рейтингами», которые, несмотря на изначально присущие им уп-

¹ «Суждение является критическим компонентом политического измерения, характерным для более чем одного наблюдателя» [Schedler, 2012, p. 21]; «Прежде чем измерять мощь, нужно иметь саму концепцию мощи» [Baldwin, 2013, p. 279].

² Например, Дж. Харт выделяет три аналитически возможных подхода к измерению и сравнению могущества и влияния: (а) контроль над ресурсами; (б) контроль над другими акторами; (в) контроль над событиями и результатами как обобщенный и наиболее предпочтительный, с его точки зрения, критерий измерения ресурсов и действий. Однако конкретный способ такого обобщения и операционализации не предложен, что характерно для многих исследований, в которых за различными теоретическими конструкциями не следуют конкретные варианты измерения предлагаемых параметров [Hart, 1976].

³ «Измерение всегда может предполагать ошибку» [Measuring regional authority, 2016, p. 10].

рошения и условности, нередко воспринимаются как окончательные оценки¹.

Применительно к рассматриваемым нами сюжетам есть множество методологических сложностей, связанных с различными аспектами измерения мощи и влияния государств. С одной стороны, вполне понятно стремление найти отражающие их количественные индикаторы². С другой стороны, иной раз высказываются серьезные сомнения в самой возможности количественно измерить это многомерное явление, обладающее, к тому же, скрытыми от непосредственного наблюдения свойствами (в том числе «нематериальными»)³. Тем не менее едва ли не магистральное направление в современных исследованиях государственного могущества и влияния связано скорее с различными попытками выявить и сравнить их количественные индикаторы.

При этом необходимо так или иначе учитывать целый ряд методологических сложностей, связанных с определением используемых инструментов и технологий измерения. Прежде всего это вопросы, связанные с выбором наиболее адекватных целям исследования индикаторов, определением их «весов» и их агрегацией, решением проблемы пропущенных данных, определением «прокси»-переменных, технологиями построения соответствующих индексов и др.

Выбор индикаторов достаточно сложен по многим причинам и зависит от выбора позиции по ряду достаточно существенных вопросов. Выше уже говорилось о том, что способы измерения зависят от концептуализации, но они же зависят и от выбора приемов их конкретной операционализации. Можно выделить (опять-таки не в порядке важности) некоторые методологические

¹ Развернутую и обоснованную аргументацию см.: [Ranking the world, 2015].

² Вот показательное высказывание: «Если международным исследованиям суждено стать наукой, необходимо установить четкие количественные измерения для их базовой переменной – национальной мощи» [Alcock, Necombe, 1970, p. 335].

³ См., например, соответствующие аргументы в [Guzzini, 2009]. Как представляется, в этой линии аргументации есть, однако, как минимум два методологических изъяна: во-первых, измерение и сравнение «материальных» компонентов может дать ценную информацию для оценки государственного могущества и влияния; во-вторых, в современных исследованиях есть и попытки квантификации соответствующих «нематериальных» компонентов (об этом см. ниже).

«развилки» и проблемы, возникающие при выборе тех или иных инструментов и технологий измерения.

Прежде всего, существуют различные эксперименты с изменением мощи и влияния государств на основе *экспертных* суждений и оценок. Примеров достаточно: в одних случаях такая оценка осуществляется буквально в виде своего рода «эссе», как, например, в ранжировании «великих держав» [Mead, Keeley, 2017] или в формате сравнительных экспертных описаний, осуществляемых американской разведывательно-аналитической компанией «Stratfor Forecasting Inc.»¹. Есть не слишком убедительный опыт составления индекса национальной мощи на основе экономических, политических, военных, научно-технологических и иных индикаторов – рассчитываемых с использованием не традиционных количественных данных, а суммируемых экспертных оценок [Presentation of a new... 2008], а также на основе социологических опросов [Alcock, Newcombe, 1970]. Наконец, достаточно распространенной практикой является обращение к экспертным суждениям при работе с пропущенными данными, особенно в тех случаях, когда статистические программы в силу тех или иных причин не дают требуемых результатов.

Вместе с тем основные направления эмпирических исследований мощи и влияния преимущественно связаны с измерением и обработкой *количественных индикаторов*. Здесь, однако, есть серьезный и недостаточно проясненный теоретико-методологический вопрос. Дело в том, что в принципе эти индикаторы могут выражать собой либо *факторы/причины*, либо *эффекты / результаты* (а в исключительных случаях и то, и другое). Ситуация осложняется высокой степенью *взаимной корреляции* многих из них, означающей, что они фактически указывают на одни и те же или сходные явления – либо вообще на третьи, скрытые и ненаблюдаемые феномены. Сложность здесь в первую очередь в том, что в случае если используемые в исследовании наблюдаемые и измеряемые показатели на самом деле по-своему и по-разному отражают некую общую для них *латентную* (т.е. ненаблюдаемую) сущность, являющуюся, строго говоря, их «причиной», то различение факторов / причин и эффектов / результатов может быть трудноразрешимой проблемой. Однако варианты преодоления этой проблемы

¹ Stratfor. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/>

все же могут существовать. Так, если есть изучаемая латентная сущность (в нашем случае – могущество и влияние) и доступные нам инструменты и технологии в достаточной степени ее улавливают (коррелированы с ней), то они могут выступать в качестве замещающей «прокси»-переменной для ее измерения и понимания. В таком случае дилемма факторов / причин и эффектов / результатов в определенном смысле может сниматься в реальном процессе эмпирического исследования¹.

Далеко не все потенциально важные для исследования государственного могущества и влияния индикаторы могут иметь адекватное количественное выражение – например, упоминавшиеся выше политическая воля, стратегия, национальный характер, культура, человеческий капитал и др. Использование замещающих «прокси»-переменных во многих подобных случаях может служить частичным, хотя и не полностью удовлетворительным вариантом подхода к данной проблеме. Особенно характерно это методологическое затруднение при рассмотрении такого явления, как «мягкая сила». Это понятие, как известно, было введено в научный оборот и политические дискуссии Дж. Наем [см., в частности: Nye, 2004; 2011], который тем не менее не наметил возможные подходы к его операционализации для использования в конкретных эмпирических исследованиях. Какие достоверные количественные показатели можно было бы эффективно использовать для измерения «мягкой силы» – большой вопрос с неочевидными ответами [см., например: Auguelov, Kaschel, 2017].

Такие усилия предпринимаются например, в проекте «Soft Power 30» консультационной компании «Portland» и соответствующем индексе используются как количественные данные, так и экспертные оценки, а также материалы многих других индексов (World Governance Indicators, Government Effectiveness, UNDP Human Development Score и др.). В качестве «прокси»-переменных выступают в том числе показатели международного туризма, пользователей Интернета и Facebook, участников сетей e-government, публикаций в топовых реферируемых журналах, потоков международных студентов и т.п. [McClogy, 2017]. Вместе с тем обращают на себя внимание недостаточная концептуальная проработанность используе-

¹ На эту проблему совершенно обоснованно обратили мое внимание С.А. Ахременко и И.М. Локшин.

мых индикаторов, их разнородность и фрагментарность, а также достаточно узкий охват сравниваемых государств.

Еще одну методологическую сложность представляют *разнородные шкалы измерения*, когда в одном индексе мощи и влияния соединяются показатели, выраженные, например, в процентах и абсолютных числах. С точки зрения использования современных статистических методов такая разнородность шкал не представляет собой непреодолимую проблему, поскольку технически они могут быть приведены к единому формату. Но остается содержательный вопрос: как интерпретировать агрегацию столь разнородных индикаторов? Вопрос пока что остается недостаточно проясненным.

Необходимо принимать во внимание и другие сложности при использовании количественных индикаторов и работе со статистическими базами – прежде всего тот факт, что статистические данные по определению имеют свои ограничения. Почти всегда, например, случаются довольно значительные временные задержки в заполнении баз данных, а некоторые из них подвергаются своего рода обратному пересчету по мере появления новых показателей. Более того, используемые индикаторы могут иметь разное значение и отражать разные сущности – именно поэтому так важна их содержательная интерпретация на основе избранной концептуализации. Иными словами, количественные индикаторы никогда не могут быть целью в себе, измерение как таковое представляет собой лишь определенный инструмент, к которому обращаются уже после того, как сформулированы содержательные проблемы исследования¹. Но и после сбора количественных данных и их обработки необходимо вернуться к определению качественных ответов на поставленные содержательные вопросы.

Нельзя не остановиться и на таких методологических проблемах, как определение *весов* используемых индикаторов при их агрегации в единый индекс и сложности работы с *пропущенными данными*.

¹ В некотором смысле это частный аспект более общей проблемы, связанной с такой особенностью состояния современной политической науки, как «количественно-качественный раскол». Речь идет об «искушении» сугубо количественными, статистическими методами исследования, когда, образно говоря, за «деревьями» не видно «леса» и теряется содержательная, качественная проблематика. По признанию известного политолога-«количественника» Р. Таагепера, это опасное проявление «чрезмерной и ритуальной зависимости от статистического анализа данных» [Таагепера, 2008; см. также: Schrod, 2004; Локшин, 2015].

Очевидно, что требовательность к теоретико-методологическим основаниям сравнительного анализа могущества и влияния современных государств предполагает определение конкретного соотношения значимости их различных измерений и отдельных индикаторов, особенно при процедуре их агрегации. В принципе существуют разнообразные методы работы с этими вопросами – например, использование *дискриминантного анализа* и его разновидностей (именно так мы и поступали в проекте «Политический атлас современности»). Однако здесь есть свои сложности, в частности при работе с большими временными рядами в целях изучения динамики анализируемых явлений и процессов, когда конкретная так называемая обучающая выборка должна экспертным путем корректироваться применительно к каждому году наблюдений. Иные возможности связаны с использованием различных вариантов *факторного анализа*, которым свойственны ограничения иного рода.

Существуют также различные (хотя и не идеальные) методы разрешения проблемы пропущенных данных. С одной стороны, это разнообразные статистические технологии так называемой импутации отсутствующих значений¹, с другой – качественные методы, прежде всего экспертные оценки для заполнения пропусков в создаваемых базах данных. Эти и другие разнообразные подходы, несмотря на свойственные им отдельные ограничения, могут и практически используются для хотя бы частичного преодоления сложностей с пропущенными данными.

В эмпирических исследованиях государственного могущества и влияния разнообразные индикаторы предназначены в первую очередь для построения рейтингов различных стран на основе выбора имеющихся и / или построения новых индексов. В некоторых случаях предпринимаются попытки конструирования соответствующих индексов на основе всего лишь *одной переменной* (как предполагается, особым образом синтезирующей различные измерения мощи и влияния). В одних случаях это, например, объем военных расходов либо только размер военно-морских сил, в других – размер GDP или потребление энергии и электричества и т.д. Несмотря на кажущуюся привлекательной простоту таких индексов, они явно «спрямляют» намного более сложные комплексы показателей, отражающих различные аспекты рассматриваемых нами

¹ В качестве примера см.: [Фабрикант, 2015].

многомерных явлений¹. Именно поэтому в исследовательской практике куда более распространены *композитные (составные / агрегированные) индексы*, включающие различные сочетания индикаторов. Для того есть свои теоретические основания. В разделе о проблемах концептуализации мы привели аргументы, раскрывающие многомерный характер могущества и влияния государств. Соответственно, можно было бы предполагать, что эти измерения и аспекты так или иначе будут учтены в предлагаемых композитных индексах.

Вариантов здесь немало. С одной стороны, существуют концептуально, казалось бы, обоснованные предложения относительно конструирования таких индексов. Выше мы уже упоминали классическую модель Р. Клайна, предполагающую специфическое синтезирование (через сложение и умножение) компонентов мощи, относящихся к населению, территории, экономике, военному потенциалу, стратегии и национальной воле [Cline, 1977]. Но еще задолго до этого выдвигались отчасти сходные предложения, например: измерять национальную мощь как сумму показателей, относящихся к территории, населению, экономике и военному потенциалу, в том числе ядерному [German, 1960].

Однако проблема с такими и сходными подходами в том, что они практически оторваны от реальных возможностей их эмпирической верификации – такая проблема в этих случаях даже не ставится. Но все наши предыдущие рассуждения об инструментах и технологиях измерения могущества и влияния государств подводят, как нам кажется, к тому, что императивом для такого рода исследования является поиск соответствия обоснованной концептуализации и адекватных приемов эмпирического исследования. Продолжая эту тему, мы должны, с другой стороны, учитывать, что так или иначе существуют немаловажные для политической теории и политической практики образцы концептуализации государственной мощи и влияния с различными вариантами их эмпирического измерения.

Это, например, авторитетный составной индекс национальных возможностей (Composite Index of National Capability), еще с 1970-х годов разрабатываемый в рамках проекта «Correlates of

¹ См. разнообразные аргументы за и против в: [Kugler, Arbetman, 1989; Kugler, Domke, 1986].

War» [Singer, Bremer, Stuckey, 1972]. Базовые эмпирические и, что важно, воспроизводимые во временны́х рядах показатели в данном случае включают военные расходы, военный персонал, производство стали, потребление энергии, население, и в частности городское население¹. Другой вариант – проект индекса национальной мощи (National Power Index), который, однако, совершенно произвольно и неаргументированно устанавливает веса его предлагаемых (никак не обоснованных) компонентов: экономические возможности (25%), военный потенциал (25%), население (15%), технологии (15%), энергетическая безопасность (10%), внешнеполитические ресурсы (10%)².

Наконец, еще один пример – индекс мирового могущества (World Power Index), который использует комплексные показатели, в данной терминологии – «материального» потенциала (территория, ВВП, военные расходы, научно-исследовательские разработки, внешнеэкономические связи и др.), «полуматериального» потенциала (включая население, ВВП на душу населения, уровни потребления, образование и здравоохранение и др.) и «нематериального» потенциала (количество публикаций, международный туризм, миграция, телефоны и интернет и др.)³.

Здесь тоже есть свои проблемы и сложности, с которыми так или иначе придется иметь дело при планировании и осуществлении эмпирического сравнительного исследования могущества и влияния государств в условиях меняющегося мирового порядка. Так, например, даже в случае адекватной концептуализации основной проблематики нашего исследования мы не можем быть полностью уверены в подборе соответствующих индикаторов – и по многим, в том числе указанным выше, причинам. Важно понять, какие переменные можно использовать в сравнительном анализе с учетом указанных выше проблем «весов», пропущенных данных, агрегации разнородных показателей и др.

¹ The correlates of war. – Mode of access: <http://correlatesofwar.org/>

² Index of national power. – Mode of access: <http://www.nationalpower.info/>

³ World power index. – Mode of access: <https://danielmoralesruvalcaba.wordpress.com/tag/world-power-index/>

4. Перспективы дальнейших исследований

Учитывая рассмотренные выше проблемы концептуализации и выбора инструментов и технологий операционализации и измерения эмпирических показателей влияния и могущества, мы могли бы, тем не менее, попробовать наметить некоторые перспективы дальнейших исследований по рассматриваемой проблематике. Одна из ключевых задач здесь – определение возможных путей к формированию адекватного целям и рамкам осуществляемого исследования *нового комплексного индекса* могущества и влияния современных государств, учитывающего уроки и ограничения предшествующего опыта. Для этого, среди прочего, необходима дальнейшая проработка вопросов, связанных с концептуализацией рассматриваемой проблематики и уточнением необходимых для эмпирического анализа измерительных инструментов.

Перспективное направление дальнейших исследований связано и с теоретически и методологически обоснованным отбором используемых индикаторов, а также тестированием различных методик работы с ними (в том числе определением их «весов», способов агрегирования и др.).

Выше мы уже могли убедиться в том, что существующие индексы, используемые в сравнительном анализе государственной мощи и влияния, фактически «заточены» под разные исследовательские задачи. К тому же они далеко не всегда, с одной стороны, вытекают из концептуально обоснованной дифференциации различных измерений и аспектов мощи и влияния, а с другой – учитывают встроенные методологические сложности и ограничения (веса индикаторов, проблемы их агрегации, пропущенные данные и др.). Отправным пунктом в нашем случае должны стать сформулированные выше концептуальные положения, учитывающие реально существующие разновидности и измерения могущества и влияния, их содержание, воздействующие на них факторы и их эффекты и др.

Разработка и тестирование такого нового комплексного индекса могут иметь существенное теоретическое и прикладное значение. С учетом предложенной нами концептуализации могущества и влияния, учитываемые в индексе индикаторы должны отражать основные измерения рассматриваемых явлений: во-первых, *ресурсно-экономическое* (население, территория, запасы углеводоро-

дов, ВВП, экспорт товаров и услуг, НИОКР и др.); во-вторых, *военное* (военные расходы, численность армии, наличие ядерного оружия и способов его доставки и др.); в-третьих, *институциональное* (роль в ООН, МВФ и других международных организациях); в-четвертых, «*мягкая сила*» (качество высшего образования и научных исследований, привлекательность национальных университетов для зарубежных студентов и др.)¹. Такой комплексный индекс, построенный с учетом *традиционных и новых компонентов* мощи и влияния, должен вывести на уточненные глобальные и региональные рейтинги современных государств, в том числе рассматриваемые в *динамике*.

Однако новизна предлагаемого подхода заключается еще и в возможности дифференцированного рассмотрения *отдельных измерений* могущества и влияния применительно к разным странам и группам стран, разным условиям их существования и избираемым стратегиям их национального развития. Такой ракурс по-новому возвращает нас к обозначенному выше вопросу о фундаментальной внутренней разнородности современных государств и их различным эволюционным состояниям. Например, в одних случаях стратегический выбор направлений национального развития может быть связан с упором на совокупные традиционные измерения могущества и влияния – или же с акцентом на финансовые или сугубо военные, или на новые технологические компоненты и т.д. Иными словами, применительно к современным государствам немалое значение может иметь изучение конкретных областей, в которых проявляется их специфическое могущество и влияние (как в глобальном, так и в региональном разрезе).

Еще один важный сюжет для перспективных исследований – это роль и значение *политической воли и стратегии* как своего рода «внересурсного» компонента, который в определенных ситуациях может компенсировать ресурсные (в широком смысле слова) ограничители и даже выходить на первый план в усилиях «восходящих» государств и групп государств, стремящихся к изменению своего положения и статуса в условиях меняющегося мирового порядка. Этот потенциально важный компонент могу-

¹ Конечно, это лишь предварительные наборы показателей, которые должны уточняться в зависимости от доступности и качества имеющихся эмпирических данных.

шества и влияния традиционно фигурирует в различных исследованиях в качестве упоминаемого фактора, но при этом напрямую не поддающегося количественному измерению и обработке. Тем не менее это существенный вопрос, на который в настоящее время еще нет сколько-нибудь аналитически строгих ответов.

Существенно также изучение динамики могущества и влияния государств с учетом меняющегося мирового порядка и с отработкой новых методов ее анализа как вариантов нелинейных процессов. Применительно к нашей общей проблематике такие направления (в том числе с использованием так называемого процесса Ферхюльста) были намечены [см., например: Полунин, Тимофеев, 2009; Тимофеев, 2014], но все же еще остается значительный простор для дальнейших исследований.

Отдельное и весьма перспективное исследовательское направление связано с дальнейшей проработкой теоретико-методологических оснований и практическим применением *сетевого подхода* и *анализа сетей*. Применительно к рассматриваемой нами проблематике сети могут обоснованно рассматриваться как новые «нелинейные» измерения могущества и влияния. Речь идет об особых «узловых» взаимодействиях, раскрывающих новые, нетрадиционные элементы могущества и влияния. Специфическая «сетевая мощь» (конечно, относительная и опосредованная) может оказаться важным новым измерением международного влияния и особого рода мощи – причем не только по традиционным показателям «центральности».

Использование сетевого подхода, развивавшегося в первую очередь применительно к анализу процессов принятия решений в рамках определенных групп, позволяет раскрыть важные опосредованные и неиерархические взаимосвязи и взаимовлияния между различными игроками на мировой арене – прежде всего, между государствами, но не только. Участие в международных сетях предоставляет возможным игрокам непропорционально увеличивать свое влияние даже в тех случаях, когда этому не соответствуют объективные (наличные) параметры мощи [Hafner-Burton, Kahler, Montgomery, 2009]. Кроме того, у сетевого подхода есть определенный потенциал и применительно к теоретико-методологическим вариантам построения индекса национальной мощи на основе сетевых взаимодействий с учетом различных моделей «центральности» [см., например: Kim, 2010].

Сетевой подход, таким образом, обладает значительным эвристическим потенциалом и уже успешно используется при анализе международных конфликтов, миграционных потоков, финансовых и торговых взаимодействий и иных важных аспектов многомерных взаимовлияний в современной мировой политике¹.

Среди других возможных и перспективных направлений исследований в русле рассматриваемой проблематики нужно упомянуть также углубленное изучение факторов и эффектов, связанных с феноменом *государственной состоятельности* (обусловленных ею и / или проявляющихся в ней и ее динамике). В сравнительной политологической литературе это направление в настоящее время переживает явный бум, однако без особой фокусировки на вопросах, относящихся к государственной состоятельности как специфическому внутреннему фактору международного могущества и влияния. Здесь для нас есть очевидный шанс внести вклад в идущие дискуссии.

В идеале такого рода исследования могли бы дать существенный материал для эмпирического тестирования многих распространенных в современной литературе предположений качественного характера. Например, о происходящем сдвиге мирового могущества и влияния в Азию, о разнонаправленной динамике военной силы как фактора национального могущества, о «восходящих» и «нисходящих» в мировой политике державах и их ресурсах, и др.

Отдельным важным направлением дальнейших исследований может стать специальный фокус на анализе могущества и влияния как *независимой*, так и *зависимой* переменной. Это в принципе позволило бы лучше понять не только их структуру и новые компоненты, но и то, каковы их взаимосвязи с другими важными измерениями мировой политики и внутренних процессов, протекающих в различных современных государствах. Проблема, по сути, в том, какое воздействие на могущество и влияние государств в современном мире могут оказывать и реально оказывают иные стороны и аспекты мировой политики и разнообразных внутренних процессов. В проекте «Политический атлас современности» потенциал международного влияния рассматривался в кон-

¹ См. разработки Ф.Т. Алескерова и его учеников: [Сетевой подход... 2016; Aleskerov, Meshcheryakova, Shvydun, 2017 и др.]

тексте анализа состояний и уровней государственности, наличия и характера внешних и внутренних угроз, качества жизни, институциональных основ демократии и др. Есть все основания планировать новый этап сравнительного исследования – «*Политический атлас современности 2.0*».

Список литературы

- Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать (2017): Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» / Барабанов О., Бордачев Т., Лукьянов Ф., Суслов Д., Сушенцов А., Тимофеев И. – М., 2017. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/> (Дата посещения: 30.12.2017.)
- Ильин М.В. Признание государства в контексте эволюции мировой системы // Международные процессы. – М., 2012. – № 1. – С. 18–27.
- Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016 а. – № 4. – С. 22–42.
- Ильин М.В. Слоеный пирог политики: порядки, режимы и практики // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 3. – С. 111–138.
- Ильин М.В. Слоеный пирог политики: рецепты и импровизации // Полис. Политическое исследование. – М., 2016 б. – № 1. – С. 88–103.
- Кортунов А.В. Блеск и нищета геополитики // Российский совет по международным делам. – М., 2015. – 12 января. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ble-sk-i-nishcheta-geopolitiki/?sphrase_id=632781 (Дата посещения: 30.12.2017.)
- Кортунов А.В. Неизбежность странного мира // Российский совет по международным делам. – М., 2016. – 15 июля. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/> (Дата посещения: 30.12.2017.)
- Локин И.М. Игра в бисер? Конвенциональные количественные методы в свете тезиса Дюэма-Куайна // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2015. – № 2. – С. 80–103.
- Мельвиль А.Ю., Ефимов Д.Б. «Демократический Левиафан»? Режимные изменения и государственная состоятельность – проблема взаимосвязи // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 43–73.
- Новые правила или игра без правил: Доклад участников XI ежегодного заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» / Под ред. Ф. Лукьянова, И. Крастева. – М., 2015. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/10088/> (Дата посещения: 30.12.2017.)
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миролюк М.Г., Полунина Ю.А., Тимофеев И.Н. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

- Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Нелинейные политические процессы: Учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2009. – 204 с.
- Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов / Алескеров Ф.Т., Курапова М.С., Мещерякова Н.Г., Миронюк М.Г., Швыдун С.В. // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 111–136.
- Тимофеев И.Н. Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: Рабочая тетр. № 18/2014 / гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спец книга, 2014. – 48 с. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/upload/RIAC_WP_18_RU.pdf (Дата посещения: 09.01.2018.)
- Тимофеев И.Н. Россия и коллективный Запад: новая нормальность: Рабочая тетр. № 32/2016 / гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 36 с. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-West-Paper32-ru.pdf> (Дата посещения: 09.01.2018.)
- Фабрикант М.С. Модель-ориентированный подход к отсутствующим значениям: множественная импутация в многоуровневой регрессии посредством R // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – М., 2015. – № 41. – С. 7–29.
- Alcock N.Z., Newcombe A.G. The perception of national power // Journal of conflict resolution. – Thousand Oaks, CA, 1970. – Vol. 14, N 3. – P. 335–343.
- Aleskerov F., Meshcheryakova N., Shvydun S. Power in network structures // Models, algorithms, and technologies for a network analysis. Springer proceedings in mathematics and statistics / V.A. Kalyagin, A.I. Nikolaev, P.M. Pardalos, O. Prokopyev (eds.). – Cham: Springer international publishing, 2017. – Vol. 197. – P. 79–85.
- Auguelov N., Kaschel T. Toward quantifying soft power: The impact of the proliferation of information technology on governance in the Middle East // Palgrave communications. – Basingstoke; Hampshire, 2017. – N 17016. – DOI: 10.1057/palcomms.2017.16
- Axelrod R. An evolutionary approach to norms // American political science review. – Washington, 1986. – Vol. 80, N 4. – P. 1095–1111.
- Baldwin D.A. Power analysis and world politics: New trends versus old tendencies // World politics. – Toronto, 1979. – Vol. 31, N 2. – P. 161–194.
- Baldwin D.A. Power and international relations // Handbook of international relations / W. Carlsnaes, T. Risse, B.A. Simmons (eds.). – Los Angeles et al.: SAGE, 2013. – P. 273–297.
- Cline R.S. World power assessment 1977: a calculus of strategic drift. – Boulder: Westview press, 1977. – xi, 206 p.
- Colgan J.D., Keohane R.O. The liberal order is rigged. Fix it now or watch it wither // Foreign affairs. – N.Y., 2017. – Vol. 96, N 3. – P. 36–44.
- Corbetta R., Volgy T.J., Rhamey J.P.Jr. Major power status (in) consistency and political relevance in international relations studies // Peace economics, peace science and public policy. – Philadelphia, Pa, 2013. – Vol. 19, N 3. – P. 291–307.
- Duncan R.W., Jancar-Webster B., Switky B. Instructor's manual to accompany world politics in the 21st century. – N.Y.: Longman, 2002. – 696 p.
- Fels E. Shifting power in Asia-Pacific?: The rise of China, Sino-US competition and regional middle power allegiance. – Switzerland: Springer, 2017. – 768 p.

- Ganguly S., Thompson W.R.* Ascending India and its state capacity: Extraction, violence, and legitimacy. – New Haven: Yale univ. press, 2017. – ix, 338 p.
- German C.F.* A tentative evaluation of world power // *Journal of conflict resolution*. – Thousand Oaks, CA, 1960. – Vol. 4, N 1. – P. 138–144.
- Global trends. Paradoxes of progress. National intelligence council. – 2017. – January. – 235 p. – Mode of access: <https://info.publicintelligence.net/ODNI-NIC-Paradox-Progress.pdf> (Accessed: 12.01.2018.)
- Guzzini S.* On the measure of power and the power of measure in international relations // DIIS working paper. – Copenhagen: Danish institute for international studies, 2009. – N 29. – 18 p. – Mode of access: http://pure.diiis.dk/ws/files/56324/WP2009_28_measure_of_power_international_relations_web.pdf (Accessed: 12.01.2018.)
- Haas R.* World order 2.0. The case for sovereign obligation // *Foreign affairs*. – N.Y., 2017. – Vol. 96, N 1. – P. 2–9.
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H.* Network analysis for international relations // *International organization*. – Cambridge, MA, 2009. – Vol. 63, N 3. – P. 559–592.
- Hart J.* Three approaches to the measurement of power in international relations // *International organization*. – Cambridge, MA, 1976. – N 30. – P. 289–305.
- Holsti K.J.* The concept of power in the study of international relations // *Background*. – N.Y., 1964. – Vol. 7, N 4. – P. 179–194.
- Ikenberry J.G.* The plot against American foreign policy. Can the liberal order survive? // *Foreign affairs*. – N.Y., 2017. – Vol. 96, N 3. – P. 2–9.
- Kim H.M.* Comparing measures of national power // *International political science review*. – Beverly Hills, Calif., 2010. – Vol. 31, N 4. – P. 405–427.
- Kramer M.* Theoretical introduction. Political power and political discourse in Russia: Conceptual issues // *State and Political Discourse in Russia / R.M. Cucciolla (ed.)*. – Rome: Reser-Dialogues on Civilization, 2017. – P. 25–88.
- Kugler J., Arbetman M.* Choosing among measures of power: A review of the empirical record // *Stoll R.J., Ward M.D.* Power in world politics. – Boulder: Lynne Reiner publications, 1989. – P. 49–77.
- Kugler J., Domke W.* Comparing the strength of nations // *Comparative political studies*. – Thousand Oaks, CA, 1986. – N 19. – P. 39–69.
- Major powers and the quest for status in international politics: Global and regional perspectives / *Volgy T.J., Corbetta R., Grant K.A., Baird R.G.* – N.Y.: Palgrave MacMillan, 2011. – xiii, 242 p.
- McClory J.M.* The soft power 30 report. A global ranking of soft power. – Portland: Portland PR Limited, 2017. – Mode of access: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2017/07/The-Soft-Power-30-Report-2017-Web-1.pdf> (Accessed: 12.01.2018.)
- Mead W.R., Keeley S.* The eight great powers of 2017 // *The American interest*. – 2017. – January 24. – Mode of access: <https://www.the-american-interest.com/2017/01/24/the-eight-great-powers-of-2017/> (Accessed: 13.01.2018.)
- Measuring national power in the postindustrial age. *Analyst's handbook / Tellis A.J., Bially J., Layne C., McPherson M., Sollinger J.* – Santa Monica, Calif.: RAND, 2000. – vii, 54 p.

- Measuring regional authority: A postfunctionalist theory of governance / Hooghe L., Marks G., Schakel A.H., Niedzwiecki S., Osterkatz C.S., Shair-Rosenfeld S. – Oxford: Oxford univ. press, 2016. – Vol. 1. – 675 p.
- Melville A., Mironyuk M. «Bad enough governance»: State capacity and quality of institutions in Post-Soviet autocracies // Post-Soviet affairs. – Silver Spring, MD, 2016. – Vol. 32, N 2. – P. 132–151.
- Modelski G., Thompson W. Leading sectors and world powers: The coevolution of global politics and economics. – Columbia, SC: Univ. of South Carolina press, 1996. – xv, 263 p.
- Mokken R.J., Stokman F.N. Power and influence as political phenomenon // Power and political theory: Some European perspectives / B. Brian (ed.). – L.: Wiley, 1976. – P. 33–54.
- Munich security report 2017. Post-truth, post-West, post-order? – 2017. – Mode of access: <http://report2017.securityconference.de/> (Accessed: 14.01.2018.)
- Nye J. Soft power: The means to success in world politics. – N.Y.: Public affairs, 2004. – 209 p.
- Nye J. The future of power. – N.Y.: Public affairs, 2011. – xviii, 298 p.
- Nye J.S. Will the liberal order survive? The history of the idea // Foreign affairs. – N.Y., 2017. – Vol. 96, N 1. – P. 10–16.
- Political atlas of the modern world. An experiment in multidimensional statistical analysis of the political systems of modern states / Melville A., Polunin Yu., Ilyin M., Mironyuk M., Timofeev I., Meleshkina E., Vaslavskiy Y. – Malden: Wiley-Blackwell, 2010. – 214 p.
- Presentation of a new model to measure national power of the countries / Hafeznia M.R., Zarghani S.H., Ahmadipor Z., Eftekhari A.R. // Journal of applied sciences. – Faisalabad, 2008. – Vol. 8, N 2. – P. 230–240.
- Ranking the world: Grading states as a tool of global governance / A. Cooley, J. Snyder (eds.). – Cambridge: Cambridge univ. press, 2015. – xiii, 241 p.
- Ruvalcaba D.M. Power, structure and hegemony. – Guadalajara: GIPM Editors, 2016. – Vol. 1: World power index. – 365 p.
- Savoia A., Sen K. Measurement, evolution, determinants, and consequences of state capacity: A review of recent research // Journal of economic surveys. – Avon, 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 441–458.
- Schedler A. Judgment and measurement in political science // Perspectives on politics. – Cambridge, 2012. – Vol. 10, N 1. – P. 21–36.
- Schrodt Ph.A. Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // Journal of peace research. – L., 2014. – Vol. 51, N 2. – P. 287–300.
- Singer D.J., Bremer S., Stuckey J. Capability distribution, uncertainty, and major power war, 1820–1965 // Peace, war, and numbers / B. Russett (ed.). – Beverly Hills: Sage, 1972. – P. 15–48.
- Taagepera R. Making social sciences more scientific: The need for predictive models. – Oxford: Oxford univ. press, 2008. – xv, 254 p.
- Traverton G.F., Jones S.G. Measuring national power. – Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2005. – xii, 21 p.